

ПЕТР I КАК СУДЕБНЫЙ ДЕЯТЕЛЬ

Изыскания о деятельности первых лиц государства в сфере правосудия неоспоримо являются одним из важных направлений познания национального прошлого. В самом деле, без углубленного изучения таковой деятельности невозможно ни прояснить картину судебной политики государства в соответствующий исторический период, ни картину функционирования института верховной власти, ни целостно охарактеризовать личность правителя. Сказанное в полной мере касается и фигуры первого российского императора.

Сложившаяся на сегодня историографическая ситуация заключается в том, что если деятельность Петра I как законодателя, правотворца не раз освещалась в литературе [1. С. 123–125; 2. С. 277–282], то его деятельность как правоприменителя осталась вне поля зрения ученых авторов. В итоге, в предшествующих исследованиях можно встретить хотя и немалочисленные, но совершенно разрозненные упоминания об участии Петра I в судебных разбирательствах – причем почти исключительно по делам о государственных преступлениях [3. С. 31, 53, 56 и др.; 4. С. 38–41, 44, 47–50 и др.; 5. С. 98–102, 110, 173–174 и др.]. Кроме того, донныне никем не анализировалась нормативная основа участия монарха в отечественном судопроизводстве конца XVII – первой четверти XVIII вв.

Наличие отмеченных историографических пробелов и обусловило появление настоящей статьи. В статье предпринята попытка систематически рассмотреть как практическую деятельность Петра I в области уголовного и гражданского судопроизводства, так и нормативную основу этой деятельности. Необходимость подобного рассмотрения станет еще более очевидной, если принять во внимание, что именно Петр I явился инициатором и архитектором первой российской судебной реформы.

Источниковую основу статьи, наряду с материалами законодательного характера, образовали комплексы документов досудебного и судебного производств по уголовным делам первой четверти XVIII в., в рассмотрении которых принял участие самодержец, а также образцово сохранившиеся материалы указного и протокольного делопроизводства Правительст-

вующего Сената за 1719–1725 гг. Названные источники (за исключением опубликованных законодательных актов) отложились к настоящему времени главным образом в фондах 6 «Дела по государственным преступлениям», 248 «Сенат» и 1451 «Именные указы Петра I Сенату» Российского государственного архива древних актов и в фонде 1329 «Именные указы Сенату» Российского государственного исторического архива. Итак, какое же место занимала судебная практика в кругу занятий первого российского императора, насколько часто и в какой процессуальной роли он соприкасался с уголовной и гражданской юстицией?

Что касается личного участия Петра I в разрешении дел гражданско-правового характера, то таких примеров автору выявить на сегодняшний день не удалось. Если подобное и случалось, то весьма и весьма эпизодически. А вот к уголовному судопроизводству первый российский император испытывал устойчивый интерес, на протяжении многих лет нередко принимая участие как в судебном, так и в досудебном производстве по различным делам.

Монарх-реформатор и инициировал уголовное преследование, и принимал решения о мерах пресечения, и допрашивал обвиняемых и свидетелей, и санкционировал различные следственные действия (прежде всего, применение пыток), и выносил или – чаще – утверждал приговоры. Однако прежде чем переходить к обозрению деятельности Петра I как судебного деятеля, необходимо остановиться на вопросе о правовой регламентации таковой его деятельности.

Как явствует из введенного к настоящему времени в научный оборот массива отечественных законодательных актов XVII – первой четверти XVIII вв., порядок участия самодержца в судопроизводстве в петровское время нормативно регулировался весьма фрагментарно. Для начала здесь необходимо упомянуть впервые опубликованный лишь в 2000 г. Наказ «майорским» следственным канцеляриям от 9 декабря 1717 г. и именной указ от 5 марта 1719 г. В первом из них устанавливалось обязательное санкционирование верховной властью использования мер физического воздействия в отношении должностных лиц от вице-губернатора и выше,

а также принятие ею же решения о направлении дела, расследованного «майорской» канцелярией, в ту или иную судебную инстанцию. Во втором – предусматривалось обязательное утверждение верховной властью приговоров военных судов, в которых назначалась смертная казнь офицерам (что только фиксировало порядок, сложившийся на практике, по всей очевидности, с начала 1700-х гг.) [6. С. 202; 7. С. 670].

Кроме того, в законах от 17 марта 1714 г. и от 19 декабря 1718 г. об укреплении инстанционности в судопроизводстве было – в общем виде – обозначено положение монарха как суда четвертого (высшего) звена. При этом в ст. 6 закона от 19 декабря 1718 г. дополнительно оговаривалось, что на рассмотрение царя могли передаваться исключительно те судебные дела, которые поступали в Правительствующий Сенат из Юстиц-коллегии и разрешение которых вызвало у сенаторов затруднения. В свою очередь, согласно ст. 4 закона от 19 декабря 1718 г. и ст. 4 закона «Должность Сената» от декабря 1718 г., дела могли направляться в судебное производство Сената лишь с санкции монарха [7. С. 90, 604, 605].

Наконец, нельзя обойти упоминанием подборку законодательных актов 1713–1718 гг., в которых устанавливался особый порядок судопроизводства по делам о государственных преступлениях и о преступлениях против интересов службы. В первом из таковых актов – законе от 23 октября 1713 г. (кстати, собственноручно написанном Петром I) – закреплялось право любого жителя нашей страны извещать о «*грабителях народа*» (т. е. о преступной деятельности представителей госаппарата) непосредственно монарха. В изданном два месяца спустя законе от 23 декабря 1713 г. подданным дозволялось сообщать лично царю о таких государственных преступлениях, как умысел на «государское здоровье», оскорбление «высокомонаршей чести», бунт и измена [7. С. 76; 8. С. 361].

Обе отмеченные законодательные линии оказались сведены воедино в именном указе от 25 января 1715 г. В этом указе Петр I сформулировал знаменитые «три пункта», содержащие составы особо тяжких преступлений, о подготовке или совершении которых только и допускалось извещать напрямую верховную власть. В первых двух пунктах – почти в полном соответствии с законом от 23 декабря 1713 г. – фигурировали государственные преступления: посягательство на жизнь самодержца, измена и бунт. В третьем пункте речь шла о казнокрадстве [8. С. 364]¹. Соответственно, по смыслу этих

¹ Именной указ от 25 января 1715 г. неоднократно привлекал внимание исследователей. В новейшей литературе указ характеризовали Н. Н. Покровский,

законов, самодержец выступал – в оговоренных случаях – в роли инициатора уголовного преследования.

Остается добавить, что впервые закрепленный в законе от 23 октября 1713 г. особый порядок судопроизводства по делам о преступлениях против интересов службы сохранялся до издания закона от 19 января 1718 г., по которому из вышеприведенного списка 1715 г. был, по существу, исключен третий пункт [7. С. 531]². Особый же порядок судопроизводства по государственным преступлениям (по первым двум пунктам указа 1715 г.) просуществовал *de jure* значительно дольше, до конца XVIII в. [5. С. 20]³. Рассмотренными законодательными актами исчерпывалась нормативная основа участия самодержца в отечественном судопроизводстве в конце XVII – первой четверти XVIII в.

Тем самым участие Петра I в уголовных процессах обуславливалось в большей мере не требованием закона, а его интересом к конкретным разновидностям уголовных дел. Из числа таковых особенное внимание царя-реформатора привлекали, во-первых, дела по государственным преступлениям, а во-вторых, дела по обвинениям высокопоставленных должностных лиц в преступлениях против интересов службы⁴.

Из обширной череды дел по государственным преступлениям более всего времени Петр I уделил (что легко понять) процессу царевича Алексея Петровича. Здесь царь тщательно контролировал как весь ход предварительного расследования (осуществлявшегося специально учрежденной канцелярией ведения П. А. Толстого), так и весь ход судебного производства (осуществлявшегося специально организованным судебным присутствием)⁵.

К примеру, когда поступили данные о посябничестве царевичу со стороны генерал-

Е. В. Анисимов и Дж. Ле Донн [5. С. 19–20; 9. С. 420–422; 10. Р. 206–207].

² Третий пункт именного указа от 25 января 1715 г. окончательно утратил силу в связи с изданием вышеупомянутого закона от 19 декабря 1718 г. об укреплении инстанционности в судопроизводстве, согласно ст. 7 которого заявления о казнокрадстве надлежало подавать ординарным порядком в фискальские органы [7. С. 604].

³ Достойно упоминания, что в составлявшийся в последние годы жизни Петра I проект Уложения Российского государства 1722–1725 гг. было внесено – в ст. 42 гл. 2-й Кн. 1 – предложение о допустимости извещать непосредственно монарха именно по первым двум пунктам указа 1715 г. В качестве альтернативы заявление по этим пунктам предписывалось подавать в Сенат (РГАДА. Ф. 342. Кн. 33, ч. 1. Л. 12 об.).

⁴ Об уголовном преследовании высших должностных лиц в петровское время подробнее см.: [11].

⁵ Как известно, в ходе процесса дело дошло и до личного участия Петра I в пытках царевича (об этом мрачном сюжете см. в первую очередь: [12]).

лейтенанта В. В. Долгорукова, Петр I незамедлительно инициировал его уголовное преследование и санкционировал арест (произведенный в Санкт-Петербурге 20 февраля 1718 г. лично генерал-губернатором А. Д. Меншиковым). Вслед за этим, 9 марта царь допросил этапированного в село Преображенское обвиняемого. Наконец, после того, как упомянутое судебное присутствие 14 марта 1718 г. приговорило В. В. Долгорукова к лишению чинов, конфискации имущества и ссылке, самодержец утвердил – 5 июля 1718 г. – приговор, определив в качестве места ссылки город Соликамск⁶.

Если говорить о делах по преступлениям против интересов службы, то в данном случае неизменным вниманием Петра I пользовались те из них, которые находились в производстве подчиненных непосредственно ему «майорских» канцелярий – первых отечественных органов предварительного расследования. Достаточно сказать, что только главе первой из таких канцелярий М. И. Волконскому царь направил в ноябре 1713 – марте 1715 г. шесть писем, содержащих указания по проведению следствия по «архангельскому» делу⁷.

Распределение уголовных дел по «майорским» канцеляриям осуществлял также сам Петр I. К примеру, 9 декабря 1717 г. будущий император направил в производство следственной канцелярии Г. И. Кошелева и Ф. Д. Воронова инициированные фискальской службой дела по обвинениям гвардии капитана А. Л. Долгорукова, архангелогородского вице-губернатора П. Е. Лодыженского, архангелогородского обер-комиссара Д. А. Соловьева, бывшего архангелогородского вице-губернатора А. А. Курбатова, рижского губернатора П. А. Голицына, сенатора М. М. Самарина, комиссара П. И. Власова, дьяка П. К. Скурихина⁸.

Сохранилось уникальное свидетельство о реакции современников на участие Петра I в осуществлявшемся канцелярией В. В. Долгорукова предварительном расследовании имевшего особый общественный резонанс «подрядного» дела⁹. Вот что писал на исходе 1714 г. находившемуся в Голландии брату Осипу весьма осведомленный дворецкий А. Д. Меншикова Ф. А. Соловьев: «Светлейший князь [А. Д. Меншиков] в великой конфузии, и все в самом печаль-

ном образе, понеже царское величество zelo прилежно сие дело [подрядное] сам розыскивает и не токмо сие, но и всякия дела сам обещается пересмотреть и наказать как за большое, так и за малое равно, о чем все трясутся...»¹⁰.

«Трястись», впрочем, было от чего. Впечатленный масштабами вскрывшихся фальшивых подрядов Петр I распорядился пытать сановных фигурантов дела. В присутствии царя 27 ноября и 13 декабря 1714 г. поднимали на дыбу сенатора Г. И. Волконского, 27 ноября – санкт-петербургского вице-губернатора Я. Н. Римско-Корсакова [16. С. 144–145, 148].

Не меньше внимания Петр I уделил и многим другим делам по обвинению высокопоставленных лиц в «преступлениях должности своей». Так, монарх принял самое активное участие в процессе по делу сенатора П. П. Шафирова и обер-прокурора Сената Г. Г. Скорнякова-Писарева. Петр I сыграл решающую роль на всех стадиях названного процесса: от инициирования 9 февраля 1723 г. в отношении П. П. Шафирова и Г. Г. Скорнякова-Писарева уголовного преследования и до утверждения вынесенных им 13 февраля 1723 г. приговоров¹¹.

Досконально вникал Петр I и в обстоятельства начавшегося в 1722 г. процесса обер-фискала А. Я. Нестерова¹². В частности, император принял участие во всех трех допросах А. Я. Нестерова под пыткой – 30 января 1723 г., 16 и 18 января 1724 г.¹³ 29 января 1723 г. Петр I даже собственноручно написал вопросы к предстоявшему допросу обер-фискала. Вопросы эти предварялись эмоциональным рассуждением о том, что «никому так о том [преступной деятельности иных должностных лиц] сведомому быть невозможно как тебе: первое,

¹⁰ РГИА. Ф. 1329. Оп. 1. Кн. 27. Л. 286 об. Данное письмо было изъято в амстердамской конторе О. А. Соловьева в 1717 г. в ходе обыска, произведенного в рамках следствия по «архангельскому» делу.

¹¹ РГАДА. Ф. 248. Кн. 300. Л. 10–11, 14, 58 и др. Систематическое изложение материалов судебного производства по делу см. в публикации П. И. Иванова 1859 г. [17].

¹² Освещение процесса А. Я. Нестерова в литературе см.: [18. С. 119–125, 245–253].

¹³ РГАДА. Ф. 248. Кн. 273. Л. 428, 633, 635. Стоит заметить, что первый раз Петр I санкционировал применение к А. Я. Нестерову пыток, когда еще находился в Персидском походе – в письме к возглавлявшему расследование П. И. Ягужинскому от 15 октября 1722 г. (РГИА. Ф. 1329. Оп. 1. Кн. 28. Л. 3). После получения высочайшего дозволения «застенок» Алексею Нестерову был назначен постановлением следственной канцелярии от 8 ноября 1722 г. (РГАДА. Ф. 248. Кн. 273. Л. 226–230). Однако, как явствует из материалов дела, намеченный допрос подследственного под пыткой в итоге так и не состоялся, будучи отложен до возвращения из похода императора.

⁶ РГАДА. Ф. 6, № 55. Л. 1–2 об., 9–9 об., 14 об. – 15, 19–19 об. В литературе процесс В. В. Долгорукова 1718 г. наиболее детально рассмотрел Н. Г. Устрялов [13. С. 195–201].

⁷ РГИА. Ф. 1329. Оп. 1. Кн. 27. Л. 9, 11, 18–19, 28, 40, 46.

⁸ Там же. Л. 69–70 об.

⁹ Внешние обстоятельства разбирательства «подрядного» дела освещены в монографиях Н. И. Павленко и особенно П. Бушковича [14. С. 97–98; 15. Р. 322–334].

по чину фискалскому, второе, понеже прибежище всех воров был...»¹⁴.

Стоит заметить, что личное присутствие монарха на допросах подследственных и подсудимых нередко оказывало на последних значительное психологическое воздействие, способствовало даче ими откровенных показаний. К примеру, именно в ходе допроса 5 февраля 1723 г., проходившего с участием императора, судья Московского надворного суда бывший обер-фискал М. В. Желябужский признался в подлоге завещания вдовы А. Поливановой¹⁵.

Из числа судебных органов повышенный интерес Петра I привлекала, конечно, работа занимавшихся разбирательством дел по государственным преступлениям Тайной канцелярии и Преображенского приказа. Показательно, что 25 ноября 1718 г. царь установил себе особый день – понедельник – для посещения Тайной канцелярии [3. С. 109–110]. Напротив, с судебной деятельностью Правительствующего Сената монарх соприкасался весьма эпизодически.

Достаточно сказать, что за 1719–1722 гг. Петр I дал Сенату лишь два указания, относившиеся к конкретным уголовным делам. 11 марта 1721 г. царь передал в судебное производство Сената расследованное канцелярией И. И. Дмитриева-Мамонова дело бывшего сибирского губернатора М. П. Гагарина, а 18 мая 1722 г. – расследованное канцелярией С. А. Салтыкова дело бывшего воронежского вице-губернатора С. А. Колычева¹⁶. Относящихся же к 1719–1725 гг. фактов направления Петром I на рассмотрение Сената дел из Юстиц-коллегии (что, как уже говорилось, предусматривалось в ст. 4 закона от 19 декабря 1718 г. и в ст. 4 закона «Должность Сената») выявить к настоящему времени не удалось.

В последние годы жизни наибольшее внимание первый российский император уделял учрежденному в 1723 г. для разбирательства особо важных уголовных дел Вышнему суду. В частности, сохранились реестры дел суда с многочисленными высочайшими резолюциями от 24 октября и от 9 декабря 1723 г.¹⁷ А в составленном императором 13 января 1724 г. распределении занятий по дням недели значилось: «...В [Вышнем] суде – среды вечер и четвертака утро» [8. С. 259]¹⁸.

¹⁴ РГАДА. Ф. 9. Отд. 1. Кн. 58. Л. 572.

¹⁵ Там же. Ф. 248. Кн. 273. Л. 440.

¹⁶ Там же. Ф. 1451. Кн. 13. Л. 52; Ф. 248. Кн. 1888. Л. 311 об.

¹⁷ РГИА. Ф. 1329. Оп. 1. Кн. 28. Л. 13–25 об., 37–48.

¹⁸ Данный распорядок отнюдь не остался мертвой буквой. Как видно из походного журнала Петра I, за вторую половину января 1724 г. он посетил Вышний суд восемь раз [19. С. 34–36].

Систематические данные о количестве как вынесенных, так и утвержденных Петром I приговоров на сегодня не установлены. Исходя из архивных материалов и введенных в научный оборот сведений, можно лишь предположить, что количество таких приговоров исчислялось сотнями. Например, по подсчетам Н. Б. Голиковой, только за 1700–1705 гг. по делам, находившимся в производстве Преображенского приказа, царь вынес более 50 приговоров [4. С. 39].

В качестве судьи Петр I действовал не всегда последовательно. Скажем, в 1698 г. будущий император приговорил к смертной казни жену стряпчего конюха Аксинью Трусову и ее холопа Григория Леонтьева. Осужденные были избиты Преображенским приказом в произнесении «непристойных речей»: объясняя жестокость царской расправы с восставшими стрельцами, они высказались о том, что Петр I «ожидовел и бес тово де он жить не может, чтоб ему некоторый день крови не пить». Между тем, три года спустя, в сходном случае царь вынес более мягкий приговор. В 1701 г. Петр I осудил к наказанию кнутом, урезанию языка и пожизненной ссылке в монастырь в Вологде посадскую дочь Евдокию Часовникову, признанную виновной в произнесении фразы о том, что «которого де дни великий государь и стольник князь Ромодановский [глава Преображенского приказа] крови изопьют, того де дни в те часы они веселы, а которого дни они крови не изопьют, и того дни им и хлеб не еца» [4. С. 47, 50].

Что касается существа деятельности Петра I по утверждению приговоров, то он их либо подтверждал, либо смягчал (но никогда не отменял и не ужесточал¹⁹). Например, из девяти смертных приговоров, направленных Преображенским приказом на высочайшее утверждение в июне–ноябре 1700 г., царь подтвердил единственный, а по остальным смягчил наказание [4. С. 54]. В свою очередь, смертный приговор, вынесенный 16 июля 1712 г. военным судом уличенному во взяточничестве гвардии поручику Н. Т. Ржевскому, будущий император заменил на телесное наказание и ссылку в Сибирь [20. С. 318]. Аналогично Петр I поступил и с помещиком П. Сомовым, приговоренным Сенатом за укрывательство дезертиров и вырубку заповедного леса к смертной казни. 6 ноября

¹⁹ В литературе и среди архивных материалов довелось встретить единственный пример ужесточения Петром I наказания при утверждении приговора. 13 февраля 1705 г. царь назначил смертную казнь двум извозчикам, избитым в содействии побегу пленного кызыкерменского бая. Нижестоящим судебным органом извозчики были 9 февраля 1705 г. приговорены лишь к семи годам ссылки [4. С. 44; 21. С. 134].

1715 г. царь заменил П. Сомову смертную казнь пятью годами каторжных работ²⁰.

А вот начальнику Морского комиссариата генерал-майору Г. П. Чернышеву, осужденному 6 октября 1718 г. особым военно-судебным присутствием за злоупотребление должностными полномочиями к лишению чинов и конфискации имущества, Петр I при утверждении приговора снизил наказание до ареста на пять дней и штрафа в 972 рубля²¹. Смягчил император и приговор, вынесенный специальным судебным присутствием сенатору П. П. Шафирову: вместо смертной казни осужденному была назначена ссылка в Якутию. Кронштадтскому таможенному бурмистру Ф. А. Болотному, приговоренному Высшим судом 23 января 1724 г. за неоднократное получение взяток к телесному наказанию и пяти годам каторжных работ, самодержец уменьшил срок пребывания на каторге до трех лет²².

Из шести же высших должностных лиц, приговоренных в петровское время различными судебными органами к смертной казни за преступления против интересов службы, казнено было двое. Подтверждающие резолюции – «учинить по сенатскому приговору» и «быть по сему» – Петр I наложил лишь на смертные приговоры, вынесенные Сенатом 14 марта 1721 г. бывшему сибирскому губернатору М. П. Гагарину, а Высшим судом 22 января 1724 г. А. Я. Нестерову²³.

Как представляется, наиболее ярким примером приверженности Петра I «регулярному» судопроизводству явился проведенный в ноябре 1724 г. процесс над камергером гвардии поручиком В. Монсом. При всем том, что В. Монс был уличен в разнообразных преступных деяниях (главным образом, в получении взяток и в превышении должностных полномочий), в деле имелся еще один аспект: открылось, что камергер состоял в неподобающе близких отношениях с супругой императора Екатериной Алексеевной²⁴. В этих условиях, имея полную возможность осудить В. Монса единолично или вовсе расправиться с ним во внесудебном порядке, Петр I предпочел соблюсти все процедуры ординарного судебного производства. В ито-

ге, после предварительного расследования (осуществленного в весьма сжатые сроки императорским Кабинетом) дело В. Монса было направлено в Высший суд, который вынес ему 14 ноября 1723 г. смертный приговор, незамедлительно утвержденный монархом²⁵.

Остается добавить, что при вынесении и утверждении приговоров – в качестве дополнительной санкции – Петр I время от времени практиковал такую своеобразную меру, как запрет погребать тела казненных за государственные преступления и за преступления против интересов службы. Так, приговорив 24 февраля 1712 г. к смертной казни избалованного во взяточничестве коменданта г. Луха Ф. А. Волкова, царь специально предписал «*труп его в землю не хоронить (но чтоб лежал поверх земли, видим всем)*» [23. С. 89]²⁶.

Не были преданы земле и тела казненных по делу царевича Алексея Петровича – в частности, шестерых лиц (в числе которых был необоснованно осужденный видный деятель «майорских» канцелярий Ф. Д. Воронов), обезглавленных в Санкт-Петербурге 8 декабря 1718 г. [13. С. 617]²⁷. Общеизвестно, что было оставлено на виселице тело казненного 16 марта 1721 г. М. П. Гагарина²⁸. Не было погребено и тело обезглавленного 15 ноября 1724 г. В. Монса [21. С. 224].

Тяготение первого российского императора к подобной форме дополнительного уголовного наказания привело к уникальному случаю, когда, получив сведения, подтвердившие эпизоды казнокрадства умершего к тому времени в ходе предварительного следствия дьяка П. К. Скурихина, Петр I вынес ему посмертный (!) приговор. 15 апреля 1724 г. император указал извлечь тело П. К. Скурихина из могилы и повесить его «*на железной чепе за Москвою рекою на Болоте... за то, что он, покрывая и отбывая своего воровства, во всем запырался и... повинной не*

²⁵ РГАДА. Ф. 6. № 157. Ч. 1. Л. 578–579. Преступные деяния В. Монса были квалифицированы судом по ст. 2 гл. 50-й Генерального регламента 1720 г. и по ст. 1 закона от 25 октября 1723 г. об усилении ответственности за преступления против интересов службы.

²⁶ Стоит заметить, что Петр I отнюдь не явился новатором в применении подобной санкции. Специальное рассмотрение сложившейся в XVII в. (и протянувшейся через весь XVIII в.) отечественной традиции факультативного непогребения тел казненных см. в монографии Е. В. Анисимова 1999 г. [5. С. 584–588].

²⁷ Головы казненных были взоткнуты на металлические спицы, а тела положены на особые колеса. Тела было разрешено похоронить 29 марта 1719 г., а головы – лишь по распоряжению Петра II от 10 июля 1727 г. [13. С. 618; 24. С. 47].

²⁸ 25 ноября 1721 г. Петр I дополнительно распорядился перевесить тело М. П. Гагарина на особо изготовленную цепь (РГАДА. Ф. 1451. Кн. 16. Л. 97).

²⁰ РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1, № 5. Л. 46 – 46 об.; РГАДА. Ф. 1451. Кн. 10. Л. 40.

²¹ РГАДА. Ф. 285. Оп. 1. Кн. 5947. Л. 8 об. – 9.

²² Там же. Ф. 248. Кн. 300. Л. 263–266; Кн. 30. Л. 184–185.

²³ РГИА. Ф. 1329. Оп. 1. Кн. 17. Л. 96 об.; РГАДА. Ф. 248. Кн. 273. Л. 691.

²⁴ История взаимоотношений В. Монса и Екатерины Алексеевны, а также внешние обстоятельства разоблачения и осуждения камергера подробно освещены М. И. Семевским [22. С. 106–129, 170–226]. С историко-правовой стороны процесс В. Монса М. И. Семевский, правда, не анализировал.

принес»²⁹. В таком контексте не приходится удивляться осторожности, проявленной в 1721 г. главой одной из «майорских» следственных канцелярий генерал-майором М. А. Матюшкиным. Узнав о последовавшей 29 июня 1721 г. смерти подследственного – бывшего архангелогородского вице-губернатора А. А. Курбатова, М. А. Матюшкин не решился дать разрешение на его захоронение, а запросил особое указание Петра I на этот счет³⁰.

Наконец, нельзя не отметить, что первый российский император нередко практиковал и помилование – спустя какое-то время – осужденных с его участием лиц. При этом, Петр I никогда не отменял прежние приговоры полностью. Осужденные освобождались в таких случаях лишь от части назначенного им наказания.

К примеру, упомянутый гвардии поручик Н. Т. Ржевский, осужденный в 1714 г. за взысканничество, был освобожден из ссылки – в рамках амнистийной кампании по случаю победы России в Великой Северной войне – по распоряжению императора от 26 января 1722 г.³¹ Осужденный в 1718 г. за пособничество царевичу Алексею Петровичу В. В. Долгоруков получил освобождение из ссылки, по решению Петра I от 7 мая 1724 г., по иному поводу: в связи с коронацией Екатерины Алексеевны [25. С. 129]³². Гораздо меньше довелось ожидать государевой милости осужденным на процессе П. П. Шафирову и Г. Г. Скорнякова-Писарева сенаторам Д. М. Голицыну и Г. Ф. Долгорукову. Приговоренные 13 февраля 1723 г. за пособничество П. П. Шафирову к лишению чинов и штрафу в 1550 рублей каждый, Д. М. Голицын и Г. Ф. Долгоруков были восстановлены императором в чинах и должностях уже **19 февраля** 1723 г.³³

Резюмируя вышесказанное, можно констатировать, что Петр I проявил себя как весьма активный судебный деятель, хотя и односторонне сосредоточенный на участии в уголовном судопроизводстве. Здесь в центре внимания первого российского императора неизменно

находились дела по государственным преступлениям и по преступлениям против интересов службы. При рассмотрении уголовных дел Петр I выступал в самых разнообразных процессуальных ролях – от инициатора уголовного преследования до судьи, выносившего или утверждавшего приговор. Утверждая приговоры, Петр I предпочитал в большей мере либеральный подход, не ужесточая, а, напротив, нередко смягчая назначенные нижестоящим судом наказания. Таким образом, следует заключить, что проведением первой отечественной судебной реформы руководил не только активный законодатель, но и не менее активный судебный деятель, не понаслышке знакомый с практикой уголовного судопроизводства.

Список литературы

1. Сыромятников Б. И. Рец. на кн.: Законодательные акты Петра I / Сост. Н. А. Воскресенский (рукопись) // Советское государство и право. 1940. № 11.
2. Анисимов Е. В. Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в первой четверти XVIII века. СПб., 1997.
3. Веретенников В. И. История Тайной канцелярии петровского времени. Харьков, 1910.
4. Голикова Н. Б. Политические процессы при Петре I: По материалам Преображенского приказа. М., 1957.
5. Анисимов Е. В. Дыба и кнут: Политический сыск и русское общество в XVIII веке. М., 1999.
6. «Розыскать накрепко, правдою, без всяких приказных крючков»: Указы Петра I, Екатерины I и Сената в области судостроительства и уголовной политики, 1716–1726 гг. / Публ. Д. О. Серова // Исторический архив. 2000. № 6.
7. Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. СПб., 1830. Т. 5.
8. Законодательные акты Петра I / Сост. Н. А. Воскресенский. М.; Л., 1945. Т. 1.
9. Покровский Н. Н. Российская власть и общество XVII–XVIII вв. Новосибирск, 2005.
10. LeDonne J. Absolutism and Ruling Class: The Formation of the Russian Political Order. 1700–1725. Oxford, 1991.
11. Серов Д. О. Высшие администраторы под судом Петра I: Из истории уголовной юстиции России первой четверти XVIII в. // Изв. Урал. гос. ун-та. 2005. № 39.
12. Есипов Г. В. Кабачок «Мартышка»: Эпизод 1718–1719 гг. // Русский вестник. 1860. № 11.
13. Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великого. СПб., 1859.
14. Павленко Н. И. Александр Данилович Меншиков. М., 1984.
15. Bushkovitch P. Peter the Great: The Struggle for Power, 1671–1725. Cambridge, 2001.

²⁹ РГАДА. Ф. 248. Кн. 703. Л. 134.

³⁰ Там же. Ф. 9. Отд. 2. Кн. 56. Л. 229. Характерно, что к тому времени было завершено расследование только 12 из 27 эпизодов, по которым обвинялся А. А. Курбатов, и сам он находился не под стражей, а под подпиской о невыезде (Там же. Л. 231 – 231 об.; Ф. 248. Кн. 218. Л. 206).

³¹ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1888. Л. 177 об. Вернувшись из Сибири, Н. Т. Ржевский сумел (напомнив о своих боевых заслугах) добиться полной реабилитации, каковая последовала по указанию Петра I от 11 мая 1722 г. (Там же. Ф. 1451. Кн. 13. Л. 374).

³² Некоторое время спустя, 23 декабря 1724 г. император также восстановил бывшего генерал-лейтенанта В. В. Долгорукова в чине полковника [25. С. 137].

³³ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1922. Л. 77 об.

16. *Походный журнал* 1714 года. СПб., 1854.
17. *Иванов П. И.* Судное дело над действительным тайным советником бароном Шафировым и обер-прокурором Сената Скорняковым-Писаревым // *Журнал Министерства юстиции*. 1859. Т. 1, кн. 3.
18. *Серов Д. О.* Прокуратура Петра I: историко-правовой очерк. Новосибирск, 2002.
19. *Походный журнал* 1724 года. СПб., 1854.
20. *Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого* / Под ред. Н. Ф. Дубровина. СПб., 1888. Т. 4, кн. 1.
21. *Жильцов С. В.* Смертная казнь в истории России. М., 2002.
22. *Семевский М. И.* Царица Катерина Алексеевна, Анна и Виллим Монс. 1692–1724. 2-е изд. СПб., 1884.
23. *Письма и бумаги императора Петра Великого*. М., 1975. Т. 12, вып. 1.
24. *Сборник Русского исторического общества*. СПб., 1889. Т. 69.
25. *Баранов П. И.* Архив Правительствующего Сената. СПб., 1872. Т. 1.

Материал поступил в редколлегию 07.10.2006